МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПЕЧАТИ»

САМАРСКИЙ ФИЛИАЛ

ВЕСТНИК СФ МГУП

СЕРИЯ: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ВЫПУСК 5

МОСКВА 2005

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

РАЗРАБОТКА ПРОБЛЕМ МЕТОДОЛОГИИ КАК СТРАТЕГИЧЕСКАЯ УСТАНОВКА И ОСНОВА ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Т.Н. Соснина

Современная экономическая наука является результатом разных исторических эпох, каждая из которых привносила свои темы, формировала свои теории и понятия, содержала свои заблуждения и приобретения. Этот процесс был обусловлен дифференциацией фундаментальных, прикладных знаний и зависел во многом от применяемой методологии. В итоге современный инструментарий экономической теории оперирует множеством конкурирующих школ, теорий, направлений.

Если историю экономической мысли рассматривать в виде «узловой линии мер», то таковыми будут выступать периоды повышенного интереса к методологии экономических исследований. Именно она являлась во все времена «лабораторией», где исследовались закономерности, которым подчиняются методы экономической деятельности, определяется эффективность теоретического и практического их использования.

Естественно, что такого рода периоды не могли не быть специфическими. История экономических учений свидетельствует: в это время вспыхивали, разгорались с особой силой споры о целесообразности использования тех или иных методов оптимизации хозяйственной деятельности, определялись точки зрения по вопросу о соотношении теории и практики приверженцами разных научных направлений и школ. Как правило, методологический анализ не ограничивался рамками экономической области. Он поднимался на более высокий уровень, включал вопросы, имеющие отношение к идеологии, политике, этике, психологии, социологии, религии и т. д. Такой разносторонний интерес был продиктован стремлением понять смысл, значение и границы применения той или иной теории, необходимостью ответа на вопрос о соответствии ее запросам практики, характеру общефилософских и этических предпосылок. «Методология объединяет как методы, используемые конкретной школой экономической мысли, так и общий взгляд на мир, который их определяет. Методология имеет дело со способом, с помощью которого формируется знание в условиях неопределённости» [*Dows.* Macroeconomic Thought: Methodological Approach, 1985. - P. 2,9. Цит. по кн.: История экономических учений. - М., 2001, - С. 740].

Примерами повышенного интереса к вопросам экономической методологии могут служить 40-50-е годы XIX в. (время становления и развития марксистской концепции), 70-е годы XIX в. (период утверждения позиций маржинализма), 30-е годы XIX в. (время распространения новых представлений о задачах экономической науки в интерпретации *Дж. М. Кейнса*).

В 60-70-е годы XX в. происходит резкое увеличение числа исследований, посвящённых методологии развития науки. Методология становится областью знания, где были обозначены стержневые проблемы: взаимоотношение философии и частных наук; развитие научного знания о мире в целом.

Т. Кун приходит к заключению, что каждому периоду развития науки соответствует «своя» теория – образец, то есть некая концепция, «навязывающая» эпохе свой стиль мышления; методология выступает по отношению к другим наукам как регулятор, управляющий вектор [*Кун Т.* Структура научных революций. – М., 1975].

В 80-90-е годы XX в. мировая экономическая наука буквально «утонула» в методологическом буме, продолжающемся до сих пор. Результатом такой интеллектуальной активности стало выделение экономической методологии в особую область знания, в новую субдисциплину в рамках современной экономической науки.

Внешним свидетельством этого служит образование международных сообществ экономистов, философов, методологов науки, лингвистов, появление специализированных журналов «Экономика и философия» (Economics and Philosophy - выходит с 1985 г.), «Журнал экономической методологии» (Journal of Economic Methodology - выходит с 1994 г.), тематических сборников, учебных пособий.

Кульминацией тенденции стало издание в 1998 г. энциклопедического «Руководства по экономической методологии» (Handbook of Economic Methodology) и выход в свет многочисленных публикаций общетеоретического профиля. [*Поппер К.* Логика и рост научного знания. – М., 1983; *Мизес Л.* Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. – М., 1993; *Фридмен М.* Методология позитивной экономической науки // THESIS. – 1994. - Вып. 4; *Хаусман Д.* Экономическая методология в двух словах // Международная экономика и международные отношения. - 1994. - №2-3; *Блауг М.* Экономическая мысль в ретроспективе. – М., 1995; *Стиглиц Д.* Альтернативные подходы к макроэкономике: методологические проблемы и неокейнсианство // Международная экономика и международные отношения. - 1997. - №5-7; *Ньюман Л.* Значение методологии: три основных подхода // Социс. – 1998. - №5; *Ананьин О.И.* Экономическая наука в зеркале методологии // Вопросы экономики. - 1999. - №10; *Нельсон Р., Уинтер С.* Эволюционная теория экономических изменений. – М., 2000].

Методологический бум экономической науки реализовался в трех тенденциях:

- трансформации нормативного качества методологии в, преимущественно, дескриптивное, описывающее «наличную структуру» экономического знания и реальную практику научной деятельности;

- радикальном расширении предметного поля экономической методологии за счёт включения философской проблематики;

- изменении самого восприятия экономической науки как объекта методологического анализа. [*Ананьин О.И.* Экономическая наука в зеркале методологии // Вопросы философии. – 1999. - №10. - С. 136, 149].

Первая тенденция отражалась в дискуссиях о статусе экономической методологии. С одной стороны, был выдвинут тезис о сомнительности факта разделения труда между методологом – экономистом и экономистом – практиком, с другой – о правомерности применения к анализу экономических реалий постулатов методологии в современном её звучании.

В первом случае в качестве главного аргумента использовалось утверждение, что специалисту в конкретной области экономики советы «специалиста» - методолога пользы принести не могут; во втором – акцентировалось внимание на существенной трансформации функций экономиста – методолога в сторону усиления моментов исследовательского характера, что позволяло изучить состояние и эволюцию систем научных знаний, практику их функционирования, выявить основные линии развития экономической науки как сложного общественного института. Итог: экономист – методолог не может заменить профессионала в конкретной области теории или прикладного знания, также как и специалист – конкретник не в состоянии выполнить функции методолога – профессионала в области его компетенции, но оба они друг другу НЕОБХОДИМЫ [там же, с. 149].

В России центр тяжести методологической полемики сместился на проблемы определения места политической экономии в современной системе экономического знания, соответственно необходимости включения её в процесс вузовского преподавания. Для этого были все основания: в 2000 г. Президиум ВАК утвердил номенклатуру специальностей, в которой «политическая экономия» была заменена «экономической наукой» (точнее «экономикс»). Одновременно из перечня наук по отрасли исчезли «история экономических учений» и «история народного хозяйства».

Научной общественностью закономерно был поднят вопрос о нецелесообразности такого рода скоропалительных перемен, хотя реакция и не была однозначной: одна часть представителей российской экономической науки предпочла отнести политическую экономию исключительно к предмету истории экономической мысли и практически отказалась от обсуждения достоинств и недостатков «попавшей в историю» теории; другая, считая такой «вердикт» необоснованным и преждевременным, обращала внимание оппонентов на актуальность эвристического потенциала политической экономии в статусе особой отрасли научного знания [*Макаров В.Л.* и др. Экономика и оптимизация. – М.: Наука, 1990; Философия и методология. – М., 1996; *Рачков П.* Философия, философский подход и экономическая наука // Философия хозяйства. – 1999. - №1; *Астахов А.С.* Уточнились ли экономические оценки с развитием методологии? // Экономика и математические методы. – 2000. – Т. 37. - № 4; *Макашева Н.А.* Экономическая наука в эпоху трансформации: историко-методологический аспект // ОН и С. – 2000. - №3; *Смирнов Г.А.* Онтология и теория: две парадигмы знания // ОН и С. – 2003. - №6; *Егоров И.А.* Логика экономического процесса: социоэкономический синтез // Международная

экономика и международные отношения. – 2004. - №4; Материалы конференций и симпозиумов - Российская школа экономической мысли: прошлое, настоящее, будущее. - Ноябрь 2000; Экономическая теория в современной России: глобальные тенденции и национальные традиции. - Ноябрь 2002; Основные вопросы современной экономической теории. - Сентябрь 2003; Цаголевские чтения: Российское лицо эволюционной экономики. - Ноябрь 2003; Основные вопросы современной экономической теории. - Сентябрь 2003 и др.].

В современных условиях изучение проблем экономической методологии остаётся актуальным, так как с помощью её инструментария возможен продуктивный поиск: «объединение необъединяемого», усвоение истин, которые ранее считались самодостаточными и синтез их казался немыслимым, прорыв в новые области, технологии экономического анализа.

Учёные практики всё чаще склоняются к мысли, что глубокое осмысление фундаментальных философских основ экономического бытия в качестве стратегической установки, позволит ответить на базовые вопросы теории и практики хозяйствования. Воспроизведём их высказывания:

«Не будет большим преувеличением считать одной из важнейших конечных задач экономической науки создание методологических средств, позволяющих осуществить инвестиционную и хозяйственную деятельность более эффективно» [*Астахов А.С.* Уточнились ли экономические оценки с развитием методологии? // Экономика и математические методы. – 2000. - Т. 36. - №4. - С. 36].

«Дескриптивно – методологические исследования играют двоякую роль: для самого научного сообщества - это необходимое условие формирования адекватного профессионального самопознания, для широкой общественности – это источник информации об экономической науке как общественно значимом факторе, оказывающим влияние на экономическую политику» [*Colander D.* 1994 в. The art of economics by the numbers // Back – house (ed)].

«Академические экономические исследования используют общественные ресурсы и выполняют образовательные функции. В отношении этих видов деятельности должен существовать определённый мониторинг… Между тем единственно, кто может осуществить такой мониторинг - это или сами экономисты или философы, хорошо знающие экономическую науку» [Backhouse R., Hausman D., Maki V., Salanti *A.* (1998). Economics and Methodology: Grossing Boundaries, Basingtoke, Macmillan; *Ананьев О.Н.,* указ. соч. С. 145].

«Никто не может считаться великим экономистом, если он остаётся только экономистом; я даже склонен утверждать, что экономист, который является лишь экономистом, рискует стать неким надоедливым человеком, а то и носителем явной опасности. Философия помогает ему избавляться от индивидуализированной «пагубной самонадеянности» [*Хайек Ф.* Нобелевская лекция (1974) «Нужны ли философские знания экономической науке? // Вопросы философии. – 2003. - №1. - С. 167).

«В любой науке приходит время, когда существующая парадигма ставит больше вопросов, чем даёт ответов. В такое время обнаруживается необходимость нового взгляда на старые проблемы. Теория рынков капитала и экономическая история в целом в настоящее время подошли к такому рубежу. По достижении некоторого времени обстоятельства, при которых необходимо оправдание большинства наших традиционных аналитических методов, в общем, перестали существовать. Пришло время изучения альтернатив. Применение новых методов ещё находится в стадии становления» [*Петерс Э.* Хаос и порядок на рынках капитала. – М.: Мир, 2000. - С. 257].

Прогнозируемая неисчерпаемость информационных форм социально-экономического богатства непрерывно подпитывает множество концепций, предлагающих то или иное осмысление перехода от экономического к постэкономическому этапу развития мировой цивилизации. Отражением этого процесса являются тенденции методологического содержания, фиксирующие «проявление и развитие теории многомерной трактовки мира, в корне меняющей наши представления о бытии в целом и экономических его проявлениях, в частности [*Алтухов В.Л.* Многомерный мир третьего тысячелетия // Международная экономика и международные отношения. – 2000. - №7; *Freeman J.R.* Democracy and Markets: its Politics of Mixed Economies. - London, 1989; *Завалько Г.А.* Возникновение, развитие и состояние миросистемного подхода // ОН и С. - 1998. - №2; *Фурсов А.И.* Школа миросистемного анализа // Восток. - 1992. - №1; *Wallerstein L.* The Modern Word System. V.1. Capitalist Agriculture and the Origin of the European. Economy. - New York, 1974; *Wallerstein L.* Word System Analysis: the Second Phase // Review. – 1990. - V. 13. - №3].

В таком же ключе ведутся исследования экономики как метасистемы, позволяющие строить «системы систем» по типу периодической таблицы элементов Д.И. Менделеева, что дает возможность:

-анализировать социально-экономическое пространство – время, а экономические системы считать векторами этого пространства – времени;

-реализовать достаточно универсальную типологизацию «элементов» экономической жизни;

-выявить закономерности «формирования» элементов экономической жизни и эволюцию самих экономических систем;

-с определённой долей вероятности предсказывать свойства новых элементов (групп элементов), уже существующих или складывающихся экономических систем. [*Бузгалин А., Колганов А.* Экономика: «периодическая система элементов» (к вопросу о структуризации и типологизации экономических систем) // Вопросы экономики. – 2001. - №12; *Чешков М.А.* Глобальный аспект постсоветской России. Очерки теории и методологии мироцелостности. – М., 1999].

Вторая тенденция, в рамках которой идёт изучение путей развития мировой экономики, последняя трансформируется и, при посредстве методологии, приобретает междисциплинарный статус. «Права гражданства» получает практически безграничный спектр «стыкующихся» дисциплин, где особое место принадлежит экономической науке. Если ранее признавался «союз» экономики и политики, экономики и истории, экономии и географии, то сегодня речь идёт о взаимопроникновении, взаимообогащении *экономики и математики (математическая экономика)* [*Ватель И.А., Моисеев Н.Н.* О моделировании хозяйственных механизмов // Экономика и математические методы. - 1977. - Т. 7. - №6; *Макаров В.Л., Рубинов А.М.* Математическая теория экономической динамики и равновесия. – М., 1973; *Моисеев Н.Н.* Математические модели экономической науки. – М., 1973; *Иванилов Ю.П., Лотов А.В.* Математические модели в экономике. – М., 1979; *Юдин Д.Б.* Математическая теория экономической динамики и равновесия. – М., 1973]; *экономики и кибернетики (экономическая кибернетика)* [*Милованов В.П.* Качественный анализ экономического развития // Теория систем и разработки АСУ. – М., 1974; *Воробьёв Н.И.* Теория игр для экономистов – кибернетиков. – М., 1985; *Моисеев Н.Н.* Математические задачи системного анализа. – М., 1981; *Винер Н.* Кибернетика и общество. – М., 1958]; *экономики и психологии (экономическая психология)* [*Китов А.И.* Экономическая психология. – М., 1987; *Долгов С.И.* Экономическая психология и экономическая информация // Российский экономический журнал. – 1999. - № 1; *Соколинский В.* Экономическая психология // Российский экономический журнал. – 1997. - №8, 11, 12. – 1998. - № 1-6; *Ragij van W. F., Veldhoven van G. M., Warneryd K.* – E. Handbook of Economic Psychology]; *экономики и лингвистики (экономическая лингвистика)* [*Кусакин В.П.* Теория экономической двойственности. – Балашиха – Москва, 1998; *Соснина Т.Н.* Предмет труда. Философский анализ. - Изд-во Саратовск. ун-та. - 1976; *Шубладзе Г.* К вопросу о терминологическом обозначении экономической теории // Общество и экономика. – 2000. - №8; Why Austian Economics Matters by Llewellyn H. And Rockwell, jr. (www.misses.org) // Международная экономика и международные отношения. – 2003. - №2; *Каз М.* Дискурс и развитие экономического знания // Вопросы экономики. - 2003. - №12]; *экономики и социологии (экономическая социология)* [*Верховин В.И.* В поисках предмета экономической социологии // Социс. – 1998. - №1; *Заславская Т.И., Рывкина Р.В.* Социология экономической жизни. – Новосибирск, 1991; *Соколова Г.Н.* Экономическая социология. – Минск: 1995; *Весёлов Ю.В.* Экономическая социология: история идей. – СПб, 1995; Социология в России. – М., 1998; *Радаев В.В.* Ещё раз об экономической социологии // Социс. - 2002. - №7; *Смелзнер Н.* Социология экономической жизни. – М., 1965]; *экономики и биологии (экономическая биология)* [Эволюционный подход к проблемам переходной экономики. – М., 1995; Эволюционная экономика на пороге XXI века. – М., 1997; Эволюционная экономика: проблемы и противоречия, теория и практика. – М., 2001; *Назаретян А.* От будущего – к прошлому (размышления о методе) // ОН и С. – 2000. - №3; *Маевский В.* О взаимоотношении эволюционной теории и ортодоксии // Вопросы экономики. – 2003. - №11); *экономики и экологии (экономика природопользования, экологическая экономика)* [*Пахомова Н., Рихтер Р.* Экологический анализ экологических прав // Вопросы экономики. – 2003. - №10; *Константинов В.М., Челидзе Ю.Б.* Экономические основы природопользования. – М., 2003; *Абалкина Н.Л., Соколов В.И.* Экология и экономика: пути оптимизации // США и Канада. – 2000. - №11; *Буздалов И.* Природная рента как категория рыночной экономики // Вопросы экономики. – 2004. - №3; Экология и экономика природопользования. – М., 1998; *Мазур*

Н.И., Молдаванов О.И. Курс инженерной экологии. - М., 1999; *Эндерс А., Квернер И.* Экономика природных ресурсов. – М., 2004]; *экономики и антропологии (экономическая антропология)* [*Семёнов Ю.Н.* Теоретические проблемы экономической антропологии // Этнологические исследования за рубежом. - М., 1973; Очерки экономической антропологии. – М., 1999; *Knight F.* Anthropology and Economics // Journal of Political Economy. – 1991. - №48]; *экономики и физики (экономическая физика)* [*Разумихин В.С.* Физические модели и методы равновесия в программировании и экономике. – М., 1975; *Конторов Д.С., Михайлов Н.В., Саврасов Ю.С.* Основы физической экономики. – М., 1999]; *экономики и химии (экономическая химия)* [*Семёнов Н.Н.* Методы системного анализа структуры народного хозяйства. – М., 1974; Сельское хозяйство будущего. – М., 1975; *Шаркань П., Бахуров Н.Г., Руднева Н.Г.* Химическая добыча полезных ископаемых. – М., 1972; *Бузгалин А., Колганов А.* Экономика: периодическая система элементов // Вопросы экономики. – 2001. - №12] и т.д.

В русле подобного рода межпредметных «слияний» выделяется версия становления экономической науки в качестве новой парадигмы анализа-синтеза всех форм социального бытия. Согласно ей, экономическая наука на рубеже XX – XXI веков, «теряя» исконный объект исследования - рыночный хозяйственный сектор - «приобретает взамен методологически значимый подход, который может быть применён к анализу как рыночного, так и нерыночного секторов общественной жизни». Это утверждение принадлежит *Р. Швери* (Фрибургский университет, Швейцария), и возникло оно в связи с формированием теории рационального выбора на стыке экономической науки с такими дисциплинами как: философия, этика, психология, политология, правоведение, история [*Швери Р.* Теория рационального выбора: универсальное средство или экономический империализм? // Вопросы экономики. – 1997. - №7. - С. 35].

Г. Рузавин, полемизируя с Р. Швери, отмечает, что с точки зрения методологии научного познания такой парадигмой может стать лишь общая теория, сводящая в единую систему социальные и гуманитарные науки. Но поскольку все они имеют специфические методы и собственные предметы исследования их сходство с экономикой проявляется только в одном – они относятся к циклу общественных наук. Вывод: Р. Швери «переоценивает возможности современной экономической науки» [*Г. Рузавин.* К проблеме рационального выбора в экономике и других общественных науках // Вопросы экономики. – 2003. - №3. - С. 115].

Оппонент считает более приемлемым иной вариант исследовательской парадигмы для общественных наук. Ею может быть теория принятия решений, которая «предлагает единую математическую модель для изучения проблем целесообразной деятельности человека в различных областях» [Там же].

Формирование новой парадигмы экономической теории в контексте междисциплинарных связей идёт и по другим направлениям. Например, Е. Майминас определяет этот процесс как:

- признание того, что в экономике действует не «Homo economicus», не одномерный «экономический человек», а полнокровный, живой человек, руководствующийся в экономическом поведении многими и не всегда одними и теми же критериями, располагающий всегда неполной, ограниченной информацией;

- признание многовариантности социально-экономического развития и соответственно альтернативности будущего, из чего следует возможность разработки не единой, универсальной для всех парадигмы, а вариантных моделей экономики, соответствующих множественности цивилизаций и путей их эволюции;

- признание первостепенного значения, точнее, ведущей роли информационной составляющей экономики [*Майминас Е.* Информационное общество и парадигма экономической теории // Вопросы экономики. – 1997. - №11. - С. 91]. Если эти направления привести к единому методологическому «знаменателю», то речь может идти о методологическом плюрализме как новом варианте изучения социально – экономической реальности со специфическим набором методологического инструментария (понятийный аппарат, гипотезы, модели и т.д.).

Одним из перспективных в методологическом отношении направлений экономической науки, оформившимся во второй половине XX века – начале XXI века, стала новая институциональная теория (НИЭТ). В рамках этой теории удалось найти серьёзные аргументы в пользу её методологической результативности, состоятельности при решении теоретических проблем и вопросов, имеющих прикладное значение для сферы государственного, корпоративного управления и многих других облас-

тей общественной жизни. Термин «новая институциональная экономическая теория» многозначен по смыслу. Сегодня можно встретить и другие названия этого направления: неоинституциональная экономическая теория, экономическая теория прав собственности, теория трансакционных издержек, новая политическая экономия, экономическая социология, новая теория организации отраслевых рынков и др. Процесс оформления статуса НИЭТ ещё не завершён [*Коуз Р.* Институциональная структура производства. Нобелевская лекция. В кн. Природа фирмы. – М., 2001. - С. 340-351; *Эггертсон Т.* Экономическое поведение и институты. – М.: 2001. - С. 340-351; *Williamson O.* Mechanisms of Governance. - New York, Oxford University Press, 1996. - P. 119; *Menarol C.* Methodological issues in the New Institutional Economics – Journal of Economic Methodology. – 2001. - V. 8. - №1. - P. 85; *Уильямсон О.* Экономические институты капитализма. Фирмы, рынки, «отношенческая конфронтация». – СПб., 1996].

В последние годы концептуальный каркас новой институциональной экономической теории успешно анализируется А.Е. Шаститко. Обращая внимание на методологические особенности этого направления (специфика понятийного аппарата, отличие аналитических подходов НИЭТ от других исследовательских программ в аспекте используемого инструментария), автор пришёл к заключению, что данная теория, оставаясь предметом дискуссий, вовлекает в свою орбиту психологию, юриспруденцию, социологию, аксиологию и другие дисциплины. Сегодня НИЭТ «может рассматриваться в качестве своеобразной формы синтеза различных общественных наук в экономической теории… В значительной мере это обусловлено методологическим холизмом» [*Шаститко А.Е.* Предметно-методологичсекие особенности новой институциональной экономической теории // Вопросы экономики. – 2003. - №1. - С. 24-26, 31; *его же*: Неоинституциональная экономическая теория. – М., 1999].

Третья тенденция экономико – методологического осмысления современного этапа цивилизации находит отражение во всё большем применении идей нелинейного развития хозяйственных систем. Экономисты почувствовали потребность в методологическом инструментарии теории саморегуляции неживых и живых систем, то есть в синергетическом «прочтении» проблем современной экономики, экономической науки и образования.

Синергетический анализ экономической среды делает возможным использование ряда алгоритмов, при посредстве которых происходит концентрация социальной энергии, создание механизмов саморегулиции экономических систем [*Занг В.Г.* Синергетическая экономика. Время и переменные в нелинейной экономической теории. – М., 1999; *Евстигнеева Л., Евстигнеев Р.* От стандартной экономической теории к экономической синергетике // Вопросы экономики. – 2001. - №10; *Евстигнеев В.Р.* Идеи И. Пригожина в экономике. Нелинейность и финансовые системы // ОН и С. – 1998. - №1; *Милованов В.П.* Неравновесные социально-экономические системы: синергетика и самоорганизация. – М., 2001].

Нелинейная динамика, деформированный хаос, фрактальные, нечёткие множества и другие новейшие понятия проникают в экономическую теорию, побуждая пересмотр достигнутых ранее знаний о функционировании хозяйственных систем [*Kauffman S.A.* The Origins of Order. Self-Organisation and Selection in Evolution. - Oxford University Press, 1993; *Bak P., Sneppen K.* Punctuated Eqilibrium and Criticality in a Simple Model of Evolution, Phys. Rev. Lett. – V. 71. - №24. - 1993; *Гусев В.И.* Фрактальная геометрия в социальных науках. В сб. научных трудов ВЗФЭИ «Экономика и динамика России в современных условиях». – М., 1997; *Ежов А.А., Шумский С.А.* Нейрокомпьютинг и его приложения в экономике и бизнесе. – М.: МИФИ, 1998; *Автономов В.С.* Модель человека в экономической науке.- СПб, 1998; *Петерс Э.* Хаос и порядок на рынке капитала. Новый взгляд на цикл, цены и изменчивый рынок. – М.: Мир, 2000; *Тарасевич В.* Постнеклассический вызов фундаментальной экономической науки // Вопросы экономики. - 2004. - №4].

Таким образом, современная экономическая наука вступает в новую фазу развития, где трансформация методологических оснований инициирует появление альтернативного инструментария, повышающего результативность поиска нестандартных форм экономического бытия.

Поиски новых вариантов методологического основания современной экономической теории предполагают аналогичные процессы и в системе экономического образования. Это, естественно, так как подготовка кадров служит стратегическим инструментом обеспечения экономической конкурентоспособности государства. Сегодня данная функция особо значима, поэтому необходим учёт двух

составляющих: одна адресована к СОДЕРЖАНИЮ методологии экономического образования, другая – к ее ФОРМЕ.

Параметр содержания методологии образовательного процесса определяется мерой соответствия парадигмы экономического образования запросам хозяйственной практики. Задача образования состоит в том, чтобы не просто передать, как это было ранее, новым поколениям конкретные знания, но и подготовить их к самостоятельному решению проблем. Выпускникам экономических вузов придётся жить и работать в условиях, когда реальностью становится «действие и принятие решений в условиях растущей НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ».

Образование выполняет роль «посредника» между экономической теорией и экономической практикой. Это посредничество тем эффективнее, чем меньше временной интервал «перевода» первого во второе и чем больше мера востребованности производства в полученных специалистами знаний и навыков. Современному экономисту необходимо:

- ориентироваться не только в профессиональном информационном поле, но и в широком спектре «сопряжённых дисциплин» (философия, социология, политология, психология, антропология, культурология, история, комплекс точных и естественнонаучных дисциплин);
- приобретать навыки осмысления разнообразия и богатства подходов к анализу экономических реалий, уметь оценить роль исторически возникших теорий, через посредство которых шло приращение знаний человечества о свойствах хозяйственных систем.

Такое «видение» образовательных задач существенно меняет методологическое содержание экономической подготовки кадров. Попытки осуществить переход от узко специализированного к интегрально-предметному анализу хозяйственных систем предпринимались советскими экономистами в 60-80-х годах XX века, когда обсуждалась структура производственных отношений социализма и соответственно создавалась модель нового учебника по политической экономии социализма. В силу различных обстоятельств переход к качественно новому уровню экономических знаний оказался незавершённым. Тотальное внедрение «экономикс» привело к фактическому вытеснению методологических проблем экономической теории на периферию научного знания. В начале 90-х годов возобладало мнение, что именно «экономикс» позволит достаточно быстро адаптироваться в ситуации переходного типа и готовить полноценные кадры экономистов-практиков. Однако, вскоре обнаружилась теоретическая и практическая недостаточность постулатов неоклассической ортодоксии. Немалую роль в этом сыграла то, что методолого-теоретические изъяны «экономикс» проявили себя негативно в практике западных стран, включая экономику США. Возникшее в этой связи противоречие между теорией и потребностями хозяйственной системы поставило университетскую подготовку экономистов – исследователей, вузовских преподавателей, экономистов – практиков в трудное, более того критическое положение. Пищу для серьёзных размышлений дали материалы дискуссии о статусе политической экономии в вузовском преподавании экономических дисциплин, начало которой было положено открытым письмом группы учёных-экономистов министру образования РФ, где отмечалось: «Прошло более 10 лет как в ВУЗах России стали преподавать «экономикс», или экономическую теорию. Предполагалось, что тем самым будет осуществляться деидеологизация экономической науки, будет привито рыночное мышление и рыночная мотивация, а само экономическое образование станет использовать интернациональный язык микро - и макроанализа. Реально же произошло закрепление неоклассического мэйнстрима в качестве монопольно господствующей теории, исключающей институциональную экономику, кейнсианство и другие научные школы.

Длительный опыт показал, что знание микро- и макроэкономики необходимо, но явно недостаточно. Обнаруживается парадокс мэйнстрима: в его основе находится категория «экономического человека», но сама экономика теоретически представлена как механически неодушевлённая структура вне времени и пространства…

Сегодня способность политэкономии системно подходить к экономике как к национальному, общественному хозяйству, а также проблемы, связанные информационной революцией и глобализацией, объективно создали почву для возрождения политической экономии и в преподавании, и в научных исследованиях. Политическую экономию изучают в США, преподают в вузах Европы, Японии, Китая [О статусе политической экономии в вузовском преподавании экономических дисциплин // Российский экономический журнал. – 2003. - №4. - С. 80].

Письмо вызвало серьёзный общественный резонанс. Воспроизведём основную гамму подходов к проблеме:

Д.В. Валовой, д.э.н., профессор, заведующий кафедрой экономической теории Академии труда и социальных отношений: «Подлинная цель переименования – замена политэкономии как науки об объективных экономических законах общественного производства и воспроизводства, позволяющей адекватно оценивать и прогнозировать развитие хозяйственной жизни общества, вырабатывать эффективные варианты экономической политики, на пресловутый «экономикс», который даже западные авторитетные учёные оценивают резко критически» [там же, с. 82].

Ю.В. Якутин, д.э.н., профессор Государственной академии управления, главный редактор еженедельника «Экономика и жизнь»: «Предмет политической экономии, определённый классиками экономической науки от Смита и Маркса, - производственные отношения между людьми, возникающими в процессе производства, распределения, обмена и потребления производимой продукции. Производственные отношения лежат в основе экономической системы любого общества. Они важны на каждой стадии становления любых общественных институтов - нация, государство, межгосударственные союзы и т.д. Производственные отношения будут существовать до тех пор, пока останется производство, пока человек продолжит преобразование внешнего мира, природы для удовлетворения своих потребностей. Дискутировать о предмете политэкономии нет причин, надо принять за основу то, что говорили о нём наши предшественники. Вопрос о судьбе политической экономии как науки и как учебной дисциплины становится исключительно актуальным» [там же, с.86].

Н.Н. Думная, д.э.н., профессор, заведующая кафедрой экономической теории Финансовой академии при Правительстве РФ:

«Для того, чтобы преподаваемая в высшей школе экономическая теория смогла реализовать своё главное предназначение, заключающееся в формировании у студентов современного масштабного экономического мышления, необходим незамедлительный поворот от преимущественно ученического освоения западных наработок к позитивному развитию нашей науки с опорой на мировые достижения, включая отечественные. В этой связи встаёт вопрос о целесообразности замены нынешнего названия базовой дисциплины на «политическую экономию» [О статусе политической экономии в вузовском преподавании экономических дисциплин // Российский экономический журнал. – 2003. - №5-6. - С. 59].

Б.А. Денисов, д.э.н., профессор, заведующий кафедрой политической экономии Государственного университета управления: «Министерству образования России следует объявить конкурс на создание обязательного стандарта по политической экономии» [там же, с. 60].

В.Н. Черковец, д.э.н., профессор, заслуженный деятель науки главный научный сотрудник кафедры политической экономии экономического факультета МГУ: «Общественные факты таковы, что утвердившийся в начале 90-х годов в России новый режим государственной власти, опираясь на либерально-буржуазную идеологию капиталистического переустройства общества, принял курс на вытеснение политической экономии сначала из образовательного процесса, а затем и из бюджетно финансируемой научно-исследовательской деятельности, на официальную замену в этих сферах политэкономии на «экономикс» [там же, с. 62].

Эта часть экономистов как мы видим, считает необходимым возврат курса политэкономии в учебный процесс вузовского образования. Иного рода суждения содержатся в выступлениях других участников дискуссии:

В.С. Автономов, член-корреспондент РАН, декан экономического факультета ГУ-ВШЭ утверждает: «Необходимо, прежде всего, разобраться с тем, какую, собственно, политическую экономию предлагается восстановить. В преподавании следует ориентироваться на мейнстрим» [О статусе политической экономии в вузовском преподавании экономических дисциплин // Российский экономический журнал. – 2003. - №4. - С. 85].

Я.И. Кузьминов, д.э.н., профессор, ректор Государственного университета Высшей школы экономики: «Тезис о значимости дисциплины «политическая экономия», ведущей свою историю со времён А. Смита, не вызывает возражений, однако нельзя не заметить, что «политэкономия», преподававшаяся в советский период, отнюдь не была продолжением этой почтенной традиции. Таким образом, «возрождение этой дисциплины представляется нам гораздо более спорным шагом … Политическую экономию как дисциплину нужно «не возрождать», а вводить - впервые в России. Причём

вводить именно как одну из дисциплин в рамках постоянно развивающегося мэйнстрима...» [там же, с. 83].

Р.М. Нуреев, д.э.н., профессор, заведующий кафедрой общей экономической теории ГУ-ВШЭ: «Нельзя эклектически смешивать в базовом курсе вопросы микро- и макроэкономики, с одной стороны, и политическую экономию, с другой. Действительная проблема состоит в том, чтобы, во-первых, резко улучшить качество преподавания «экономикс» и радикально усовершенствовать соответствующие отечественные учебники - явно шаржированные, американизированные, не включающие иллюстраций, отражающих российские экономические реалии. Во-вторых, развернуть качественное, на современном уровне, преподавание дополнительных теоретических дисциплин и спецкурсов со своей методологией и инструментарием» [О статусе преподавания экономии в вузовском преподавании // Российский экономический журнал. - 2003. - №5-6. - С. 62].

Третья группа экономистов, принявших участие в дискуссии по проблемам современного экономического образования, придерживалась в той или иной мере компромиссной точки зрения:

Г.П. Журавлёва, д.э.н., профессор, заведующая кафедрой экономической теории Российской экономической академии имени Г.В. Плеханова: «Ход реформы практически доказал несостоятельность ключевых положений неоклассики, и вопрос о модернизации преподавания учебной дисциплины «экономическая теория» в высшей школе России является насущным».

В России курсы экономической теории содержательно сводятся к «экономикс». Это эмпирический факт, который не опровергнуть ссылками на примеры отдельных «продвинутых» вузов. И он, наверное, отчасти определён лидерством американской школы на мировом рынке образовательных услуг. В данной ситуации профессиональная задача преподавателей состоит в том, чтобы показать, какие положения в «экономикс» стали догмой. Но догмы есть и в классической политэкономии, а значит задачей нынешнего этапа развития экономической науки становится элиминирование негативов и интеграция достижений различных школ, новый концептуальный синтез. Это одновременно и главная задача преподавания экономической теории» [О статусе политической экономии в вузовском преподавании экономических дисциплин // Российский экономический журнал. – 2003. - №4. - С. 84-85].

Т.А. Агапова, д.э.н., профессор кафедры экономической теории ИППК МГУ: «Задача восстановления преподавания политической экономии в российских вузах актуальна.

Целесообразно преподавание собственно политической экономии как одной из экономических дисциплин, наряду с теми, которые сегодня изучаются в разнопрофильных вузах, т.е. в комплексе с такими дисциплинами, как «экономическая теория», «государственное регулирование экономики», «национальная экономика», «история экономических учений», «менеджмент», «экономическая статистика» и др.» [О статусе политической экономии в вузовском преподавании экономических дисциплин // Российский экономический журнал. - 2003. - №5-6. С. 59-60].

О.И. Ананьин, к.э.н., заведующий сектором Института экономики РАН, заведующий кафедрой институциональной экономики ГУ-ВШЭ: «За последние двадцать лет политэкономическое «поле» в научной литературе утратило былую однородность и определённость, а наиболее радикальным фактором размывания границ этого «поля» стало возникновение «новой политической экономии» как ответвления современной неоклассики.

Стратегической задачей становится разработка принципиально новой модели преподавания экономической теории, причём в основе этой модели должен лежать принцип методологического и теоретического плюрализма. Базовый теоретический курс призван знакомить студента с широкой палитрой научных концепций, методов и подходов, с помощью которых в современных условиях осмысливаются и исследуются различные аспекты экономической реальности. Необходимой составной частью данного курса, задающей его общие рамки и определяющей его логическую канву, следовало бы сделать экономическую методологию» [там же, с. 57].

А.А. Пороховский, д.э.н., профессор, заведующий кафедрой политической экономии МГУ: «В условиях сложнейших и противоречивых процессов в России студенты вынуждены механически заучивать то, как функционирует, точнее, как должна функционировать, по мнению ревнителей неоклассики, давно сложившаяся рыночная экономика. Неоклассический «мейнстрим» получил «постоянную прописку» в стандартах, учебных планах и в студенческих аудиториях, и экономика как система предстала в формализованном, нормативном виде, распавшись на микро - и макроуровни.

Вузам была «спущена» учебно-методическая задача – научить студентов решать математизированные задачи, основанные на формулах и моделях далёких от реальных экономических предпосылок.

Зарубежный опыт показывает, что преподавание и изучение «экономикс» необходимо, но недостаточно для подготовки высококвалифицированных специалистов. Если уж идти по пути копирования западного преподавания экономической теории и других смежных дисциплин, не следует делать произвольные «изъятия» из «эталона». Вот факт: на кафедре «Экономикс» Массачусетского технологического института, где работает несколько нобелевских лауреатов по экономике, исходят из того, что экономист-теоретик и экономист-исследователь должны знать всю палитру экономических школ и направлений. В этом смысле весьма примечательно, что на этаже, где расположены помещения кафедры, вывешены портреты выдающихся учёных-экономистов – Смита, Рикардо, Маршалла, Кейнса и других, но на самом видном месте находится портрет К. Маркса. Хотя марксизм на кафедре полномасштабно изучают только специализирующиеся в области истории экономической мысли, без отражения теоретического вклада К. Маркса не обходится ни один значимый учебник «экономикс».

Вопрос о политической экономии возник не из-за термина, не вследствие ностальгии по прошлому и, разумеется, не как попытка спровоцировать конфронтацию среди преподавателей и учёных, а по причине несоответствия образовательного процесса задачам, решаемым Россией. Поэтому по мере появления новых образовательных стандартов или даже в оперативном порядке следует дать университетам и другим вузам возможность всесторонней подготовки студентов на основе всего спектра составляющих экономической теории» [там же, с. 65-66].

С нашей точки зрения, более приемлем третий, компромиссный вариант решения проблемы преподавания экономических дисциплин. Речь идёт не о механическом «слиянии» различных школ и направлений, а о качественно новом «прочтении» привычных социально-экономических представлений. Другими словами, развитие содержательного аспекта экономической методологии предполагает изучение концепций разной природы: кейнсианских, марксистских, неоклассических, институциональных и т.д.

Таким образом, содержательная составляющая методологии современного экономического образования воспринимается (даже при выраженном критическом отношении к статусу экономической науки, отражённом в действующих госстандартах) однозначно: в основе новой модели преподавания экономической науки должна лежать совокупность научных концепций, методов, подходов, с помощью которых возможно всестороннее осмысление современной хозяйственной теории и практики. Следовательно, экономическая методология должна стать ключевой в экономическом образовательном процессе.

Такая стратегическая установка будет соответствовать тенденции формирования новой политической экономии, где берутся в расчет: либерализация рынков, мобилизация капитала, глобализация стандартов, новое «цифровое пространство», государственная экономическая политика.

Параметр формы методологии образовательного процесса определяется видоизменением природы базовых контактов: «преподаватель – студент», «студент – студент», «студент – учебно-методическое обеспечение курсов экономики», включая компьютерные технологии, «преподаватель - информационные потоки, адресованные к его профессиональному интересу и функциям».

Сегодня происходит смещение акцентов учебной деятельности студента в сторону развития его самостоятельности, посредством продуктивного взаимодействия всех факторов учебно-воспитательного процесса.

В методологическом отношении данный подход находит отражение в том, что дидактическому анализу подвергаются не только стороны отношения «преподаватель – студент» в качестве абсолютных фигур процесса преподавания, а связь и взаимодействие этих сторон. Гносеологический подход уступает место социокультурному, при котором обучение рассматривается как способ трансляции культуры. Чтобы обеспечить понимание излагаемого материала, педагог должен раскрыть не только значение того или иного элемента содержания предмета науки, но и его смысл в контексте с другими элементами социального бытия - знаниями, умениями, навыками, опытом творческой деятельности и эмоционально-ценностных отношений. Диалог такого рода выступает в качестве способа преодоления антиномий образовательного процесса между узкоспециализированной подготовкой и всесторонним развитием; самодеятельностью и руководством; репродукцией и творчеством. Контак-

ты «преподаватель - студент», «студент - учебно-методическое обеспечение» - это и различного типа диалоги ЧЕЛОВЕКА с ЧЕЛОВЕКОМ, а не только обучающего с обучаемым.

Сегодня востребован преимущественно, субъект – субъектное общение, позволяющее реализовать основные стадии личностного становления – идентификацию и индивидуализацию студента.

Идентификация предполагает адаптацию личности к социуму посредством усвоения предписываемых ролей, социокультурных образов, традиций этноса. Индивидуализация соотносится со сферой глубинных социоприродных характеристик студента, с учётом сбалансированности его био-, психо-, социальных качеств.

На идентификацию личности студента «работают» традиционные методы обучения и воспитания, в основе которых лежит усвоение «копий», препарированного в учебных целях знания. Ту же цель преследуют и активные формы обучения, когда через воссоздание проблемной ситуации «проигрываются» типичные для профессиональной деятельности и общения ситуации.

Индивидуализация обучения (индивидуальный подход с учётом возрастных и индивидуальных различий личности) позволяет гуманизировать педагогическое воздействие, обеспечивая студенту, режим свободного развития, в рамках которого преподаватель помогает ему адекватно оценить свои возможности.

Результирующей стадией личностного становления выступает персонификация. Она достигается на этапе субъект - субъектных отношений преподавателя со студентами, когда тот и другой выступают в качестве полноправных участников процесса образования – воспитания, то есть действия инновационных образовательных технологий. В этом случае студент «обречен» на «восхождение к индивидуальности» в силу осознания им своих возможностей, открытости новому опыту (субъект образования, познания, воспитания, самообразования, самопознания, самовоспитания).

Преподаватель также «обречён» на «восхождение» к более высоким ступеням профессионального мастерства в качестве субъекта инициирования процесса обучения – воспитания и рефлексии, выступающей средством – результатом персонификации личности преподавателя.

Студент на стадии персонификации интенсивно осваивает свою духовную сущность, приобщаясь к творческой лаборатории человечества по производству жизненных и профессиональных ситуаций. Этот процесс есть «выход» человека за пределы «массовой личности», маргинального её бытия. «Массофицированная личность» ориентирована на «пребывание» в толпе и обнаруживает склонность к биологической мотивировке поведения, к безмерной свободе без «оглядки» на мораль и культурные нормы. Поэтому она не способна выполнить функции творца, гуманизировать экономическую, социальную и культурную жизнь общества.

Условием и предпосылкой самодостаточности личности, обретения ею духовности является мысль - то, что делает осознанным личное и общественное, профессиональное и общечеловеческое бытие. Только на этом этапе образование «захватывает» не конкретные способности человека, в традиционном варианте обучения ориентированные на профессию, а его неповторимую уникальную ЦЕЛОСТНОСТЬ [*Сенько Ю.* Диалог в обучении // Alma Mater. – 1991. - №5].

В последнее время авторы ряда учебников по экономической теории, истории экономических учений включают методологическую компоненту, понимая необходимость формирования метанаучного уровня социально-профессионального знания, что существенно повышает их профессионально-познавательное и воспитательное качество [Кочетов Э.Г. Геоэкономика «освоение мирового экономического пространства». - М., 1999; Осипов Ю.М. Теория хозяйства. В 3-х томах. – М.: Изд-во МГУ, 1995-1998; История экономических учений / Под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Максимова. – М., 2001. - Гл. 41, 42; Бартенёв С.А. История экономических учений. – М., 2004. - Гл. 29; Ядгаров Я.С. История экономических учений. – М., 2004. - Гл. 2; Экономическая теория. – М., 2005. - Гл. 31].